

МОСКВА И ПОДМОСКОВЬЕ
ИСТОРИЯ ПАМЯТНИКИ СУДЬБЫ

ЕЛЕНА
КОРОВИНА

Москва Мистическая

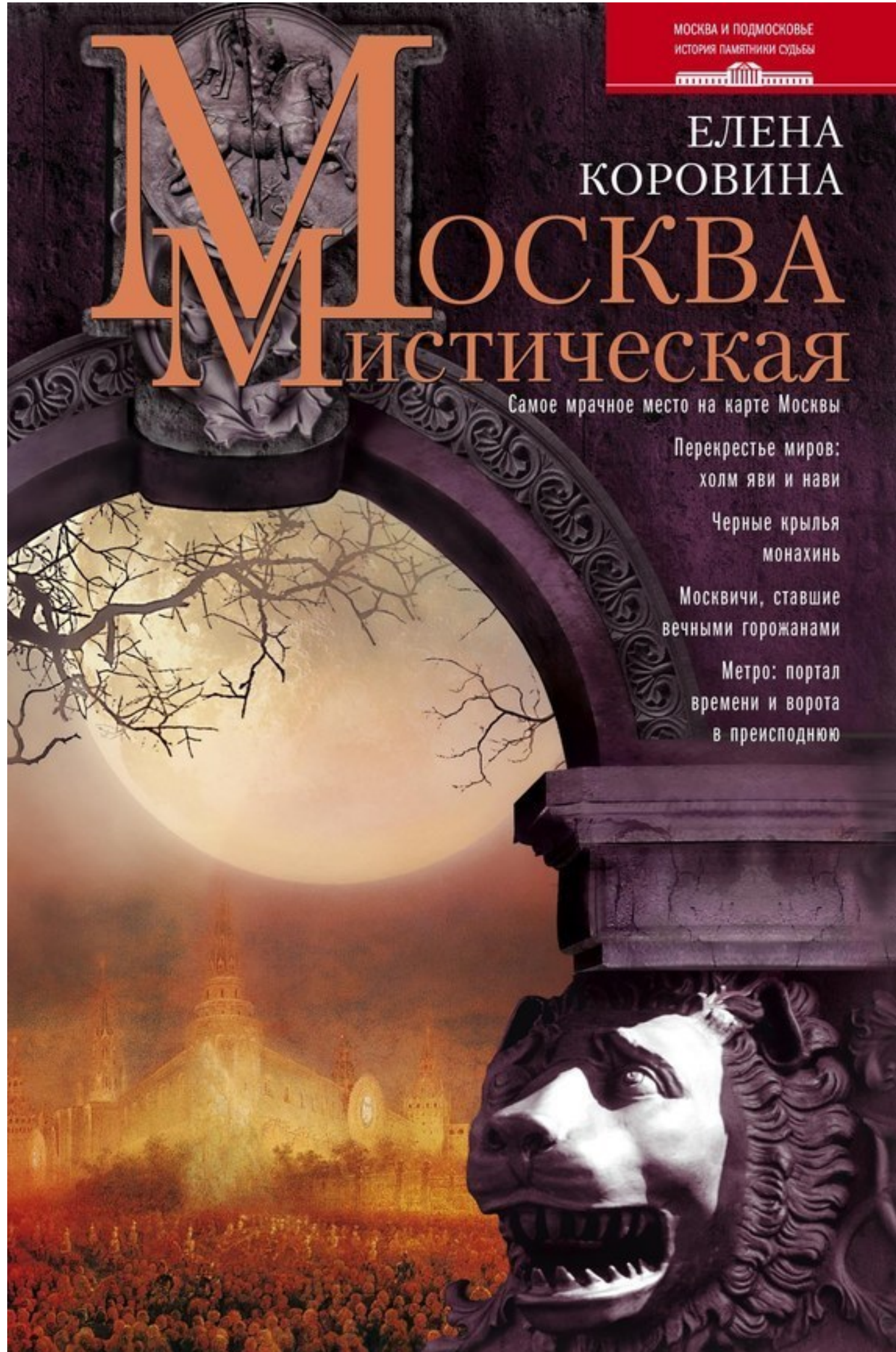
Самое мрачное место на карте Москвы

Перекрестье миров:
холм яви и нави

Черные крылья
монахинь

Москвичи, ставшие
вечными горожанами

Метро: портал
времени и ворота
в преисподнюю

Елена Коровина

Москва мистическая

«Центрполиграф»

2012

Коровина Е. А.

Москва мистическая / Е. А. Коровина — «Центрполиграф»,
2012

Москва обладает совершенно особой магической энергетикой. Здесь перепутаны все нити белой и черной магии. Уникальная особенность Москвы в том, что в ней отрицательная энергия постоянно трансформируется в положительную, разрушительная сила начинает творить созидание даже против собственной черной воли, разламывающиеся замыслы собираются воедино, чтобы вместе и общими усилиями решать ту или иную задачу. Тайны Первопрестольной куда глубже и загадочней, чем видятся на непосвященный взгляд. И это не простая бытовая мистика, не какая-то мелкая чертовщина, набитая колдовскими штучками, – нет! Это великая магия города, которой все равно, с каким знаком выступать – с положительным или отрицательным. Это мы, горожане, должны научиться управлять хотя бы частью этой тайной силы – узнать о ней побольше и обращать ее себе во благо.

© Коровина Е. А., 2012

© Центрполиграф, 2012

Содержание

Вступление	7
МИСТИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ	9
Встреча у телеграфа, или Двенадцатый рубль Улица Тверская, № 7	11
Свет в старинном окне Тверской бульвар, № 17	15
Некто в ночном переулке	24
ПОЛУНОЧНЫЕ БЛУЖДЕНИЯ ПО УЛИЦАМ МОСКВЫ	26
«Куда ни пойду, все к кремлевским стенам выйду»	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Елена Коровина

Москва мистическая

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Вступление

Городов с тайной мистикой на свете множество. Наверное, любой старинный город вполне может претендовать на звание мистического. Вот только мистика у всех разная – где-то волшебно-светлая, а где-то завораживающе-темная.

Эзотерики говорят, что в мире есть три мистические столицы черной магии: Турин, Пьемонт и Прага. Есть три столицы завораживающей магии: Венеция (мир маскарадного вихря), Санкт-Петербург (мир заснеженный и заснувший, как Спящая красавица) и Сан-Франциско (мир накатывающей волны). Ну и есть три столицы белой магии: селение-тайна – Колон (штат Мичиган, США), город старинного английского камня – Йорк и город света и влюбленных – Париж.

Москва не вошла ни в одну тройку. Знаете почему? Потому что московскую магическую энергетику невозможно определить – она странная, невероятная, постоянно меняющаяся. Как утверждают эзотерики и экстрасенсы, это совершенно *особая* энергетика – свитая в сложный неразъединяемый клубок. В нашем городе возникают любые вихри – хоть безудержного праздника, хоть клонящей в сон усталости. Здесь перепутаны все нити белой и черной магии. К тому же существует уникальная особенность: на улицах и площадях, в домах и парках нашего города отрицательная энергия постоянно трансформируется в положительную, разрушительная сила начинает творить созидание даже против собственной черной воли, разламывающиеся замыслы собираются воедино, чтобы вместе и общими усилиями решать ту или иную задачу. Словом, происходит то, о чем когда-то заметил Гете в своем «Фаусте»:

Я – часть той силы,
что вечно хочет зла
и вечно совершает благо...

Вот такая наша Москва – великий град, и мистика ее велика есть. Любая, казалось бы, простейшая история, начинаясь здесь, на улицах и площадях великого города, становится великой. Рассказ вырастает в легенду, а легенда становится кирпичиком городского эпоса. Ну а эпос города определяет уже судьбу страны.

Впрочем, горожанам все эти легенды видятся обычными городскими историями – это случилось вот на той улице, а это – вон в том доме. Обыденная жизнь смешивается с мистической, дневная с ночной.

О, эти ночные часы города! Из улиц и площадей, на которые днем и внимания не обращается, ночная жизнь создает пути загадок и тайн, рассыпанных по ночным тротуарам, столь не похожим на дороги дня. И лица людей, вступающих на эти ночные тропы, совершенно отличны от лиц этих же людей, спешащих по дневным делам и хлопотам.

Это лица тех, кто увидел тень *тайны*. Конечно, тайну полностью постичь невозможно, на то она и тайна. Но даже некий кусочек ее, постигнутый иногда преднамеренно, но чаще случайно, делает человека навсегда иным.

Он начинает видеть тайную суть прежде обыденных вещей, постигать тайные знаки, подающиеся судьбой, хотя раньше он в эту судьбу и не верил вовсе. Его душа теперь томится среди скучно-привычного и требует *познания тайны*. И тогда люди начинают задумываться о загадочной сущности бытия, читать литературу о непознанном, захаживать на сайты мистических и оккультных знаний.

Из встреч именно с такими людьми, столкнувшимися с тайной стороной московского бытия, и родилась эта книга. Речь пойдет только о том, чему либо я, либо мои друзья, родственники были свидетелями, а то и сами участвовали в неоднозначных мистических событиях.

Страшась притягательного прикосновения к тайне *города*, эти люди взахлеб рассказывали о тех невероятных случаях, что приключились с ними. Именно так книга наполнилась реальными историями, живыми чудесами, в которые можно не поверить, но игнорировать их нельзя. Ибо и чудеса, и волшебство, и таинственные события вкупе с загадочными участниками оказались абсолютно реальной частью истории Москвы – истории тайной, загадочной, еще не понятой. Однако она существует, отражая явную дневную историю – как тень отражает свет солнца и луны, как загадка прячет в себе разгадку, как тьма зла оттеняет и высвечивает свет добра.

Словом, тайная ночная жизнь, полная кошмаров и страхов, и есть та самая сила Москвы, что рождена злом, но вечно совершает добро. И Москва мистическая продолжает и высвечивает историю Москвы обыденной. Потому что и сила ночи служит великому городу и его людям.

Наш город за тысячелетия накопил тягучие клубки тайн. Узнав их, можно найти силу и исполнить желания, получить обереги и развить интуицию. Москва стала уникальным городом-экстрасенсом и готова помогать людям, учить их тайным знаниям и делиться ими.

Недаром именно в Москве решил устроить свой великий весенний бал легендарный булгаковский Воланд. Он хотел постичь тайны Москвы! И даже когда Азazelло заговорил о древнем Риме, князь Тьмы с ним явно не согласился. Москва была милее Воланду, ибо он-то понимал, что Рим – древний город, уже открывший миру все свои тайны, а вот наша Первопрестольная, она же Третий Рим, соткана из таких мистических тайн и загадок, о которых никто даже еще и не подозревает в мире. О, загадки Первопрестольной куда острее и глубже, чем видятся на непосвященный взгляд. И это не простая бытовая мистика, не какая-то мелкая чертовщина, набитая колдовскими штучками, – нет!

Это великая магия города. В теории ей все равно, с каким знаком выступать – с положительным или отрицательным. Однако на практике нашей жизни мы, горожане, должны научиться управлять хотя бы частью этой тайной Силы – узнать о ней побольше и поворачивать к себе положительной, а не отрицательной стороной. Для этого и написана эта книга.

Читайте, узнавайте, не бойтесь! Как известно, в знании – сила. Предлагаю вам совершить самое мистическое путешествие по знакомым, но на самом-то деле таким загадочным и неизвестным улицам и площадям Москвы. Некоторые горожане уже совершили подобное путешествие – теперь и вы попробуйте. Не пожалеете – это будут невероятные, захватывающие и к тому же чрезвычайно полезные пути!

МИСТИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

– Да! Чуть не забыл, мессир передавал вам привет, а также велел вам сказать, что приглашает вас сделать с ним небольшую прогулку...
М. Булгаков.

Мастер и Маргарита

– Чтобы желание исполнилось, – защелкала девчонка в красной курточке, – его надо кликнуть!

Мы шли вверх по Тверской – самый центр Москвы. Девчонки впереди разговаривали о чем-то своем, о девичьем. Я шла чуть сзади, невольно слыша их разговор. Они ни на кого и внимания не обращали – у них была важная беседа.

Вторая девчонка, поменьше и потоньше, чем подружка, никак не могла понять:

– Как это – кликнуть? Позвать, что ли?

– Нет! А может, и да... – Девчонка в красном запнулась. – Ну вот, когда ты в Инете ищешь что-то необходимое, найти – это твое желание. Понимаешь, ты желаешь найти! Тебе Яндекс много чего предложит, и ты выбираешь и мышкой кликаешь.

– А-а, в этом плане...

– Ну да! Главное – на верную ссылку кликнуть. Тогда перед тобой то, что ты искала. Если ты ссылку выбрала верную. То есть верное место. Так и с желанием – надо знать места, где оно исполняется. Как по Яндекс-поиску – ходила, ходила и нашла. Кликнула и вошла в верное место.

– Куда вошла? Где?

– Да в городе! – Девчонка даже голос повысила от тупости подружки. – Мы же живем не в Инете, а в реальном городе. Тут всего еще больше, чем в виртуалке. Это же старый город. В нем сил немерено накопилось за тысячу лет. За такое время, прикинь, сколько он создал разных мистических мест! Смотрела на ТВ-3 «Городские легенды»? Там такое рассказывают!

– Думаешь, правда?

– Ясно, не все! Большая часть – треп. Но есть пара мыслей. Например, про места силы, дома с тайнами, булгаковскую нехорошую квартиру.

– Это где Маргарита?

– Где Воланд.

– Так ведь это роман – не реал!

– Там многое на самом деле было. Булгаков просто записал. Мне про Воланда, например, дед рассказывал. Он много чего читал. Знаешь, он говорит, что самое сильное желание может исполниться только после мистического путешествия.

– Как это?!

Девчонки аж приостановили шаг – видно, очень интересный разговор возник. Мне тоже пришлось затормозить – очень уж хотелось послушать.

– Мистическое путешествие – это когда путешествуешь по мистическим местам.

– Так места-то знать надо... А как их узнать?

– Ну, во-первых, это те места, где произошло что-то таинственное, даже трагическое. Сила от крови, от всяких ужасов берется.

– Значит, там, где старинные дома. В них много чего случилось.

– Во-вторых, где большие толпы ходят. Каждый часть энергии оставляет, вот и собирается много.

– Это в центре... Там магазины, театры, бульвары...

– Вот! Это места универсальные, для всех. Но есть еще и личные для каждого.

– А их как узнать?

– Они сами проявятся. Надо просто походить по городу. Как почувствуешь приток энергии – это твое место силы.

– И сколько ты так бродить будешь? Времени же нет...

– Можно и за день успеть. Это как повезет. Есть такие тетехи – всю жизнь по Москве ходят, а так и не научатся силой города пользоваться. А кто умнее – за день свое место силы найдет.

– Ну да! – недоверчиво фыркнула подружка. – Тебе бы, Танька, сказки писать. Эти, как их, «Спокойной ночи, малыши!».

Татьяна повела плечиком в своей красной курточке и выпалила:

– Не веришь?! А все – правда. И про Москву, и про разную мистику.

– Ага! – Подружка захихикала. – Тебя послушать, так самое мистическое место в Москве – метро и маршрутки. Там больше всего народу толчется.

– Ну знаешь! – вспыхнула красная курточка.

– Ничего не знаю!

Девчонки остановились. Да так резко, что я чуть не налетела на них.

– А вот вы бы и поинтересовались! – неожиданно для себя выпалила я. – Узнали бы побольше! А тебе, – я повернулась к красной курточке, – непременно надо узнать. У тебя мистический склад ума. Может, ты экстрасенс?

Девчонки посмотрели на меня обалдело и почему-то, схватившись за руки, понеслись вперед. Кажется, мое вступление в их беседу напугало их. Действительно, идешь спокойно, болтаешь с подругой, вдруг подбегает кто-то и говорит, что ты – экстрасенс. Невольно мурашки побегут по коже. Вот вам и начало мистического путешествия по городу.

Да так оно и бывает. Случайный встречный, неожиданные слова. И будьте внимательны – знак судьбы...

Уж я-то знаю. Я всю жизнь живу в этом городе. Поездила и по другим городам с мистической историей и убедилась: Москва – сильнейшая. Так что недаром ее облюбовал профессор черной магии господин Воланд. Судя по всему, частенько он в ней бывал под разными именами, обличьями, с разными царями и простыми горожанами под ручку ходил, дружеские советы нашептывал. А как иначе объяснить, например, что Иван Грозный днями пытки с оргиями творил, а ночами-то каялся, молитвы до одури читал, лбом о землю бил да на холодном полу в одной рубашонке лежал? Понимал, значит, Ивашка, что дьявол его смущает, что он, по сути, с Воландом в сговоре, вот и пытался замолить грехи. Однако не выходило...

Отчего так? Да оттого, что права была красная курточка: наш город имеет собственную силу. И она вполне может справиться с любым злом. Пусть не сразу, не в одночасье, но справится. Больше того, переварит зло, отфильтрует, перетрет и обернет его на службу добра. Вот такой у нас город.

И про мистическое путешествие девчонка верно объяснила. Конечно, коряво. Но как сумела. Не часто, но происходят у нас в городе такие путешествия, при которых человек находит свое место силы, получает знаки судьбы и, если сможет их разгадать, обретает что захочет. Это я точно знаю. Недаром же, идя за девчонками, я оказалась рядом с телеграфом. А это особая история...

Встреча у телеграфа, или Двенадцатый рубль Улица Тверская, № 7

*Никогда не разговаривайте с незнакомцами.
М. Булгаков.*

Мастер и Маргарита

А что делать, если незнакомцы заговаривают с вами?..

Тот год и его октябрь выдались не из удачных. Я училась в ГИТИСе (теперь это РАТИ). Курс был дружным и талантливым. Но как-то быстро выяснилось, что, когда нас спрашивали: «Кем вы будете?», а мы отвечали: «Театроведами», народ не мог понять, отчего же мы учимся в театральном, а не в экономическом. Дело в том, что театроведа путали с товароведом. И, между прочим, очень быстро стало ясно, что товаровед – царь и денежный бог, а театровед – существо маловостребованное и к тому же малообеспеченное.

Под давлением обстоятельств выпускники-театроведы бойко переквалифицировались хоть в торговцев, хоть в товароведов. Из выпускков, например, старше нас в театрах работали единицы. Ну а нам что делать, куда податься?

С такими думами я и шла вверх по Тверской (тогда она еще была улицей Горького) и дошла аккуратно до Центрального телеграфа. Вдруг с его полукруглой лестницы ко мне метнулся довольно тощий субъект с лихорадочно блестящими глазами и всклокоченной бородкой.

«Алкоголик? Торчок? – подумала я. – Напился или обкурился...»

Стало как-то страшновато и довольно холодно. Я поежилась, но решила: кругом же люди!

А тощий субъект между тем, подскочив ко мне... церемонно склонил голову и проговорил почти шепотом:

– Не откажите в любезности бедному страннику! Мечтаю вернуться в Тверь, но по пути лишился денег.

«Да он попрошайка, – подумала я. – Небось на выпивку не хватает».

Попрошайка неожиданно прочел мои мысли, наверное, они отражались у меня на лице.

– Никак нет-с, барышня, – не употребляю и не злоупотребляю! – произнес он. – Сочувствующие сограждане собрали мне на билет, но рублика не хватает. Собогазоволите-с – осчастливьте несчастного!

И субъект протянул мне руку... в порванной перчатке.

Мне бы отойти подальше. Но внезапно окружающее показалось мне декорацией, тощий субъект – актером из пьесы Островского. «Барышня», «собогазоволите», окончание на «с» – словно из XIX века! И потом – Тверь... Какая Тверь?! Город давным-давно переименовали в Калинин. И бороду теперь мало кто носит, и перчатки. Взгляд мой упал на расстегнутую куртку незнакомца. Она была будто со свалки. Но мой наметанный на театральные зрелища глаз разглядел под этим рваньем... белый (вернее, уже серый) жилет и черные брюки с прошвой, словно от фрачной пары.

Здание Центрального телеграфа на Тверской улице

Что-то во всем этом было не так. Какой-то маскарад, обман. Маскарад во времени и обман веков. Вот только лихорадочно блестящие глаза отражали не игру, а страдание. И этот странный холод, разливающийся вокруг бродяги во фраке...

– Соблаговолите-с рублик, – чуть не задыхаясь, прошептал он. – Я всенепременно вам возверну-с!

Моя рука сама полезла в кошелек, вытаскивая купюру.

– Двенадцатая! – радостно прошелестел незнакомец.

Я не поняла: то ли была двенадцатая из тех, кто дал ему денег, то ли он вел счет купюрам.

Но в этот миг кто-то крикнул мне сзади:

– Девушка, не давайте ему рубля!

Я инстинктивно обернулась, а когда перевела глаза на незнакомца, того уже и след простыл.

– Зря дали!

Ко мне подошла старушка со старомодным ридикулем. Ее волосики были спрятаны под старомодную, уже потерявшую вид шляпку. Таких давно никто не носил – только на старинных портретах и можно было увидеть. Да что сегодня на Центральном телеграфе – день передеваний, маскарад какой?!

Но бабулька, кажется, была вполне адекватна.

– Не смотрите, что я так одета, – быстро проговорила она. – Я в театре имени Ермоловой, тут рядышком, в массовке играю. На мне костюм.

Действительно, я ощутила характерный запах грима. По крайней мере, хоть это было вполне реально.

– А тот тощий – тоже артист? – поинтересовалась я.

– Нет... – Старушка покачала головой. – Тут сложнее. Может, и не поверишь, но скажу. Я этого типа уж который раз вижу. Я за ним даже наблюдаю. Вот и сейчас ко мне в театр

племянница прибежала, говорит: «Иди скорее, твой странник опять появился!» Племянница на этом телеграфе работает. А у меня как раз перерыв между репетициями. Вот я в чем была, в том и ринулась.

– Но зачем за ним следить?

– Заинтриговал он меня, милая! Мои предки в Твери когда-то жили. Фотокарточки от них остались. А там подпись: Разъезжая улица, Оттоманский переулок. Слышала, я, как в прошлый раз этот тип говорил, что живет на Разъезжей.

– И что?

– Да нет давно никакой Разъезжей. Ее в Советскую переименовали. И Дворянского клуба, о котором он говорил, на Оттоманской нет. Как нет уже и самого Оттоманского. И его тоже переименовали. Да и Тверь теперь, сама знаешь, – Калинин.

– Ну мало ли...

– А во что он одет, ты видела? Остатки из фрачной пары девятнадцатого века. А его разговор? Слова – тоже из прошлого времени! Но что самое поразительное, он собирает ровно двенадцать рублей. У всех просит по рублику. А как возьмет в руки последний – его и нет вмиг.

– Куда же он девается?

– Возвращается в свое время – в Тверь XIX века. Уверена, он путешественник во времени. А дюжина рублей – это какая-то мистическая заморочка.

– Но, судя по его виду, он не сильно радуется путешествиям...

– Значит, странствует не по собственной воле. Может, его, как лист, срывает с дерева и несет, куда, он и сам не знает. Может, он и в другие времена попадает – мы же его только здесь видим...

– Но почему он попадает сюда?!

– А ты не знаешь? При царе эта улица называлась Тверской. Дорога тут в Тверь шла. А про Тверь как говорили: «Тверь – Москвы дверь». Вот бедолага сюда и попадает – прямо через дверь ту самую.

– А почему на Центральный телеграф?

– Место тут особое – с огромной энергетикой. Ворота в Кремль. По старине эта улица Въездной называлась. Через нее цари-вельможи, посольства со всего света в Кремль въезжали. Часто прямо вот на этом месте ожидали государеву аудиенцию. Представляешь, сколько народу всех национальностей проезжало-проходило? Тут же триумфальные арки в честь разных побед устанавливали. Рядом с ними люди ликовали, праздновали. Делегации со всех областей и губерний опять же тут проезжали. Вот место и научилось любого принимать. Со временем из «двери» в мощный «проход» выстроилось. Думаю... – старая актриса осеклась и понизила голос, как заправская заговорщица, – думаю, тут проход из одного времени в другое вполне мог образоваться. Потому-то умные люди и посоветовали именно здесь Центральный телеграф построить. Это же новое слово техники по тем временам было. Объединяющее народы и страны. А вышло объединение не только пространств, но и времени тоже. Представляешь, какая тут сила накоплена, что на переход из одного времени в другое ее хватает!

Старушка возвела очи к небесам. Я тоже. А когда опустила... старой актрисы, как и давешнего незнакомца, след простыл.

Я вдруг почувствовала, что совсем продрогла, хоть и одета тепло.

Да что же это получается?! Сначала один путешественник во времени просит двенадцатый рубль, потом какая-то актриса зубы заговаривает... А может, она тоже не актриса, а путешественница во времени? Только зачем меня-то посвящать во все эти подробности?! Будто мне мало своих загадок и дел!

Впрочем, нет – ничего этого не может быть! И здание телеграфа совсем не такое уж и старинное – его построили в 1927 году. Этот стиль называется конструктивизм. Впрочем, смотрится здание весьма уместно, из общего старого стиля улицы не выбивается. Напротив,

оно весьма впечатляюще, монументально, надежно. Недаром именно отсюда 22 июня 1941 года было передано сообщение о начале войны с фашистами. Впрочем, почему недаром? Потому что здесь место силы, которую можно черпать не только из настоящего, но и из прошлого? А может, даже из будущего?..

И что только не придет в голову?! Мистика какая-то... Впрочем, заикливаться мне на ней некогда. Я вздохнула поглубже и побежала к Тверскому бульвару и арбатским переулкам – в свой театральный институт.

Но видно, день выдался нестандартный. Впрочем, то, что занятия в ГИТИСе затянулись дотемна, – дело обычное. Это же театральный институт, когда ж ему работать, ежели не вечером? Так что возвращалась я часов в девять. Как ни странно, для октября было не холодно, безветренно и как-то умиротворенно. Мне нужно было зайти еще в театр Оперетты. Времени было навалом, спектакль кончился после десяти. Я решила пойти пешком через Тверской бульвар – прогуляться.

Можно подумать, я забыла о странной встрече у Центрального телеграфа – нет, отлично помнила! Но все же не поняла, что это только начало, первый знак, звоночек. У Гамлета порвалась связь времен, а у меня, напротив, связалась. Узел оказался тугим и все больше затягивался. Только вот я пока об этом не знала и спокойно вступила на дорожку бульвара, начинавшуюся со стороны Никитских ворот.

Свет в старинном окне Тверской бульвар, № 17

Да, следует отметить первую странность этого страшного майского вечера. Не только у будочки, но и во всей аллее не оказалось ни одного человека, никто не пришел под липы, никто не сел на скамейку, пуста была аллея.

М. Булгаков.

Мастер и Маргарита

Бульвар был освещен. Но свет горел как-то тускло, фонари рассыпались искрами в сухом воздухе и терялись где-то в вышине. Листья уже облетели, и остовы деревьев торчали неустроенно, некрасиво, коряво. На душе стало тревожно. И почему я не поехала на метро? На бульваре не было ни души. Вот странность! Ведь москвичи гуляют здесь в любое время суток и в любую погоду. Так повелось аж с конца XVII века, когда бульвар засадили деревьями и он сразу стал любимым и самым уютным местом Москвы. Его украсили беседками, фонтанчиками, резными мосточками, даже бюсты знаменитых людей поставили. Тут прогуливалась вся аристократическая Москва. А по бокам неспешно ездили кареты, из которых выглядывали юные красотки, прельщая кавалеров. Часто кареты создавали такое столпотворение, что и проехать невозможно.

Тверской бульвар в 1825 г.

Тверской бульвар

Потом, конечно, аристократизм бульвара ушел в прошлое. В середине XIX века здесь уже гуляли купцы с женами, чадами и домочадцами, потом разночинная молодежь. Беседки и фонтанчики пришли в упадок, мосточки развалились. Бюсты разбили хулиганы. Остались только лавочки, но теперь на них восседали не дамы в прелестных платьях и меховых накидках, а кучковались фабричные, мастеровые, горничные. Все дружно грызли семечки, заплевывая дорожки и газоны вокруг. Правда, в XX веке на бульваре возникло несколько театров и атмосфера снова стала культурной. В 1914 году в доме № 23 открылся легендарный Камерный театр великого режиссера Александра Таирова, где блистала последняя великая трагическая актриса России Алиса Георгиевна Коонен. Вся жизнь этого театра наполнена легендами и преданиями, оглушительной славой и поклонением. Но и закончилась она ужасно. А как еще могла закончиться жизнь истинных гениев?! Режиссера Таирова советская власть третировала всю жизнь. В конце концов у него отняли театр, а самого Таирова спровадили в сумасшедший дом, после чего он и умер. Его жена, великая Алиса Коонен, прожила еще четверть века в полном забвении. Трагическая актриса, у которой отняли весь смысл жизни, была задвинута в крошечную квартиру как ненужная вещь. Ужас...

А в 1935 году на Тверском в доме № 13 открылся не менее легендарный Еврейский театр, которым руководил опять же не менее великий режиссер и актер, трагик Соломон Михоэлс. Его король Лир навсегда признан в театральном мире лучшим воплощением этого шекспировского образа. Во время Великой Отечественной войны Михоэлс организовал всемирный Еврейский антифашистский комитет, собирал средства для борьбы с фашизмом в Европе и США. Собрал миллионы пожертвованных долларов. И чем его отблагодарили? Хотя чем вообще могло кончиться театральное счастье, начатое в доме № 13?!

Здание МХАТа им. Горького

Наш великий вождь народов однажды, вытряхнув своей иссохшей рукой табак из знаменитой трубки, решил, что и бедного Михоэлса пора вытряхнуть из жизни – слишком уж велики стали его влияние и известность в стране и мире. Словом, в 1948 году Соломон Михоэлс разбился на машине где-то под Минском. Похороны в Москве были наипышнейшими. Только народ все равно шептался: великого актера убрали по приказу сверху.

В 1973 году по правой стороне бульвара (дом № 22) выстроили новое здание для МХАТа. Практически никто уже и не помнил, что место это тоже овеяно старинной романтической легендой, только не трагической, как другие дома, а любовной.

В начале XIX века здесь находилась усадьба помещика Кологривова. Его жена Прасковья Юрьевна закатывала те самые пышные балы, о которых Грибоедов написал в «Горе от ума»:

Балы дает, нельзя богаче,
От Рождества и до Поста,
И летом праздники на даче.

Великий драматург даже вывел Кологривову (между прочим, родственницу) в лице пресловутой Татьяны Юрьевны.

Правда, потом Кологривовы поиздержались и стали сдавать свою усадьбу внаем. Часто ее снимал для платных балов лучший танцмейстер Москвы – учитель танцев Петр Йогель, чтобы показать своих воспитанниц. На одном из таких детских балов 23 апреля 1827 года поэт Пушкин и встретил юную Натали, свою будущую супругу Наталью Николаевну Гончарову. Помните в «Онегине»:

Там будет бал, там детский праздник.
Куда помчится наш проказник?

Так что усадьба Кологривова – место романтической и страстной любви с первого взгляда.

Конечно, теперь от старинного дома не осталось и кирпичика. Но ведь само место никуда не делось. Подумать бы об этом тем, кто проектировал и возводил новое здание МХАТа. Может быть, они не соорудили бы такого жуткого монстра с серо-коричневыми, будто уже давно проржавевшими, покореженными балками, вывернутыми наружу? Народ быстро окрестил сооружение «зданием после взрыва».

И тут стоит сказать то, о чем я еще не могла знать во время своего давнего путешествия. Тогда никто и предположить не мог, что в горячих 90-х годах в труппе образцового театра страны произойдет истинный взрыв – раскол, при котором актеры и режиссеры разойдутся на два враждующих театральных лагеря. Один станет театром имени Чехова, другой – имени Горького.

Нет, не везло театрам на Тверском бульваре! Трагедия следовала за трагедией. Даже когда в советскую эпоху знаменитый дом Герцена на Тверском переоборудовали в Литературный институт имени Горького, и тут случилась накладка – именно его ресторан выставил в жутком и нелицеприятном виде Михаил Булгаков в «Мастере и Маргарите». Как там выходило с пожаром? Гори все огнем?..

Дом Герцена

Одним словом, несчастливое место для искусства. Хотя и любимое для прогулок. Вот только сейчас, октябрьским вечером, на этом бульваре почему-то никого...

Опять вдруг повеяло жутким холодом. Или у меня нервы расшалились... Фонари неожиданно потускнели, словно напряжение на линии упало. Остовы деревьев впились в черное небо. Ох, надо перейти на мостовую, поближе к домам. Там хоть какой свет от окон.

Я покрутила головой – вон, слева, там, где нечетные дома, в окнах вспыхнул яркий свет. Со стороны бульвара как раз обнаружился сход, и я рванула на мостовую. Окно старинного, надстроенного явно позже дома (кажется, № 17) распахнулось. Послышались веселые голоса,

русские и французские, то ли спор, то ли смех. Потом заиграло фортепьяно. И чей-то обворожительный голос произнес:

– Прекратите спорить, господа! Извольте перестать и слушать музыку. Иначе я отбуду!

Я застыла под окном. Опять старый штиль? «Господа», «извольте», «отбуду» – да что же это такое?! Или это какие-то французские гости Москвы, говорящие так, как говаривали их предки, эмигрировавшие из Страны Советов после революции? Скорее всего.

И тут открылась дверь дома. (Откуда взялась, непонятно. Я же рядом стою, но ее не заметила. Или в темноте не видно?) На улицу выскочила маленькая, полненькая, кругленькая фигурка, одетая во что-то темненькое, обволакивающее.

– Ах! – проговорила фигурка. – Кто тут? Откуда? Кто впустил?

Я оторопела. Что значит откуда? Иду по улице. Как это: кто впустил? Любой может ходить по Москве.

– И почему так одета? – наседала незнакомка. – Неприличие полное – где юбка?! – И дамочка ткнула зонтиком в мою мини-юбку.

Понятно. Дамочка из тех, кто до сих пор не приемлет юбки такого размера. Терпеть не могу ханжей! И я ответила резко:

– Пора привыкнуть! Так ходят давно!

– Давно? – Дамочка призадумалась. – Ах, опять не туда вышла! Вечно забываю, что следует делать. Так какой ныне год, девонька?

Девонька (надо понимать, это я) то ли раскрыла рот в изумлении, то ли застучала зубами от испуга. Подсознание подсовывало дикую версию: старинная речь, дверь, которой не было, странное поведение дамочки, идиотское замечание «не туда вышла» – что это?! Неужели опять портал с путешественницей во времени? Ведь говорила же моя утренняя знакомая актриса, что порталы проходят по местам силы, а уж Тверской бульвар ее набрал и от истории и от трагедий в немереных количествах. Но разум отказывался во все это верить. Должно быть, какое-то реально-разумное объяснение!

– Что застыла как столб! – наседала дамочка. – Говори немедленно – какой ноне год? – И дамочка скинула капюшон своей хламидки, чтобы лучше видеть меня.

Я прислонилась к стене дома. Опять старушка! Голос молодой и даже завораживающий, хоть и повелительный. Но лицо в жутких морщинах... Ей же лет сто! Да что сегодня в Москве – день престарелых, что ли?!

Мой разум бился с интуицией, пытаясь объяснить то, что происходит. В этой битве я и сама утратила способность думать, вспоминать. Какой день, какой год?.. И я прошептала:

– Ноне... ныне... Да скоро уже двадцатый век кончится! И что она на это скажет?

Старуха не смутилась нисколько. Только поинтересовалась, снова ткнув в меня зонтиком, словно в увлекательную картинку:

– И теперь так носят? А что – для молоденьких может быть забавно. А знаешь, девонька, однажды я тоже явилась свету, как ты, бесстыдница. Я выиграла пари у мон ами Алексиса. Ну ты ведь знаешь Алексиса?

Я помотала головой.

– Алексис, граф Аракчеев, фаворит императора Александра Первого. Ты должна его знать! Про него еще наш поэтический шалопай Саша Пушкин написал:

И Совета он учитель,
А царю он – друг и брат.

Аракчеев?! Это же точно XIX век. И у четверостишия Пушкина было начало:

Всей России притеснитель,

Губернаторов мучитель.

Да что же это такое?! Может, я сплю или вообще умом тронулась? Передо мной же точно привидение – и, между прочим, не первый раз за день...

Я попыталась перекреститься. Рука описала охранительный крест, но древняя подруга Аракчеева и глазом не моргнула, тарахтя без умолку:

– Вспомнила? Так вот я выиграла у монамишки Алексиса пари, и он должен был исполнить любое мое желание. И я пожелала, чтобы он меня из теплой постельки в одной батистовой рубашечке вынес на руках прямо в свою государственную приемную. И он вынес! Правда, это было не здесь, а в Петербурге. А там, представляешь, – просители смиренно ожидают аудиенцию, а тут мы – он в мундире, а я в прозрачном батисте. О, мы жили весело!

Император Александр Алексису тогда на вид поставил, а обо мне только и сказал: «Бесстыдница!» А в газетах написали: «Граф Аракчеев абонировал тело прелестной Варвары Петровны». Варвара Петровна – это я! – Столетняя любовница кокетливо склонила головку. – По первому мужу – Пуколова, а по второму – Крекшина. Вот мы и представлены. – И она затараторила вновь: – Этот дом я купила уже после смерти и незабвенного Алексиса, и милейшего Крекшина. Кажется, году эдак в 1852-м или в 1864-м, сейчас уже и не упомяну. На месте старого велела построить новый дом. Но сама тут не живу. Мне больше по вкусу домик на Поварской. Ты знаешь Поварскую улицу?

– Да... – Я потихоньку стала приходить в себя. – Но сейчас она называется улицей Воровского.

Старая дамочка фыркнула:

– Нельзя иметь такое странное название! Как можно быть улицей воров?! Вот увидишь, скоро опять переименуют! Там же искони жили царские повара. Моя усадьба такая премиленькая, кругом арочки светленькие. Дом на каменном фундаменте под номером девять. Не была там?

– Нет...

– Конечно, в твоё время туда так просто не попасть. Там посольство Кипра.

– А откуда вы знаете?

– Я же там живу. И иногда, когда путаюсь, попадаю в твоё время. Так что знаю.

И тут мое любопытство взяло верх.

– Как же вы путаетесь?

– По собственной невнимательности. Когда выходишь из дома в своё время, надо оставить какую-то вещь, с которой пришла. Я вот специально захватила с собой зонтик. Но года, голова дырявая... Собралась выходить и схватила его с собой.

– Но как вам удается ходить по времени?

– А я и сама не знаю! – Лукавые, хоть уже и выпцветшие глаза старушки вспыхнули. – Видно, так Бог сулил. Вроде и жила-грешила, любовников привечала, богатство расточала, мужей схоронила, а вот чем-то приглянулась Господу. А может, этому городу. Стала вечной москвичкой. Впрочем, я думаю, что это от пророчества французской гадалки Ленорман. Но с другой стороны, не все вечные москвичи у нее побывали, а ведь тоже живут. Конечно, не все так беспечны, как я. С незнакомыми людьми не разговаривают. Обычно выдают себя то за артистов в костюмах, то за тех, кто бродит по вечерам-маскарадам. Ну а я вот такая беспечная. А может, как говаривал император Александр, бесстыдная.

Все рассказываю, не таясь. А чего таиться, я уже умерла давно! Хуже не будет. Вот этот дом, например, я построила как точную копию моего парижского особняка. Даже отделку приказала сделать точь-в-точь. Хочешь взглянуть?

Я шарахнулась от нее:

– Нет уж!

– Отчего же, девонька? Пойдем!

Старуха схватила меня за рукав.

Сердце у меня забилося так, словно хотело пробить грудную клетку. Стало совсем нечем дышать, воздух вокруг застывал, как на морозе.

– Не бойся, идем со мной!

Старуха потащила меня к двери в стене. Тощие пальцы, заострившиеся от старости, больно вцепились в руку. Я попыталась вырваться – не получалось! Но вдруг...

– Оставь ее, Варвара Петровна! – прогудел чей-то голос.

Старуха обернулась:

– Ты, что ли, Михалыч?

– Я. Оставь барышню. Она мне двенадцатый рубль дала. Сама знаешь, сейчас народ жадный, копейки не выпросишь. За двенадцатым рублем пришлось два дня к телеграфу заходить. Да-с! Уж обратно отчаялся домой-то попасть. Тебе хорошо, шепнула заветное слово – и опять в свое время. А мне дюжину рублей собирать приходится. Стою, аки голытьба на паперти... Конечно, у каждого свои приемы, но я барышне благодарен. Так что, сделай милость, не тронь ее!

Старуха вздохнула:

– Жаль... Редко ведь нового человечка в доме примешь. Старые-то надоели.

– Ничего, еще найдешь новенького, – прогудел Михалыч. – Ты же можешь выходить, когда сама захочешь. А у меня таких привилегий нету-с. Я не по своей воле в разных временах да местах оказываюсь. Меня сила затягивает.

Любопытство во мне снова пересилило страх.

– Но как это получается?

– Ничего сказать не могу-с, барышня. Сам не ведаю. Вот сей миг сидел я в лучшем тверском ресторане. Да-с! Только заказал раков. Но потянуло... И вот я тут.

– Не везет тебе, Иван Михалыч! – усмехнулась Крекшина. – От эдакого удовольствия оторвали.

У меня мороз по коже пошел: а если б этого тверского бродягу не выдернули некие потаенные силы, кто бы мне помог?! Бессмертная, как Кошей, старушенция точно затянула бы меня в свое время!

Но бродяга ничего этого, конечно, не понимал и злился:

– Опять мне рубли собирать! Надоело хуже горькой редьки. Пойду на телеграф. Холодно, а там у меня девица знакомая. Куртку теплую даст. Я ей все рассказал, она мне поверила и входит в мое грустное положение. Да-с! А впрочем, – бродяга хитро поглядел на меня, – вы, барышня, мне двенадцатый рубль дали, теперь окажите милость, дайте первый. Я ведь вам вроде как помог. Вы же не хотели идти с Варварой Петровной?

Крекшина хихикнула:

– Не хотела! Да обычно мало кто хочет. Но приходится. Очень уж я новеньких гостей обожаю.

«Так вот куда деваются люди, уходящие по делам и не возвращающиеся домой! – ахнула про себя я. – Небось такая вечно живая Крекшина не одна в городе!»

А старушка между тем вздохнула грустненько и процедила недовольно:

– Ну ладно, прощай, девонька. Отдай Иван Михалычу его рубль!

И, открыв дверь своего дома, неугомонная старушенция шагнула обратно.

Я полезла в кошелек.

– Давайте скорее! – торопил Михалыч. – Холодно сильно!

И, выхватив у меня бумажку, ринулся в темноту – понесся к телеграфу, где знакомая из XX века держит для него куртку.

Я обернулась на дверь, куда ускользнула Крекшина. Но стена была гладкой. Видно, из моего времени двери в прошлое не предусматривалось.

Пулей и я метнулась по Тверскому. Пусть бульвар и место силы. Только для меня она оказалась чересчур мистической. Аж жуть берет! Получается, если б утром я не дала странному встречному рубль, вечером старуха Крекшина затащила бы меня в свое время. И что бы я там стала делать?! Это же было еще время крепостных...

Вылетев на улицу Горького (когда еще она снова станет Тверской!), я посмотрела на часы. Мама дорогая! Мне казалось, я проговорила со старухой Варварой полчаса, а вышло больше двух часов. Сейчас было без четверти двенадцать. На встречу в театре Оперетты я давно опоздала, не опоздать бы на последний поезд метро!

Некто в ночном переулке Брюсов переулок

*В час луны и в час заката...
Мирра Лохвицкая.*

Забывтое заклятье

Домой я добралась без приключений. Однако после горячего чая заснуть не удалось. Я кинулась к книжным полкам. Старуха Варвара упоминала Пушкина – и я стала разыскивать ее по книгам, посвященным поэту. Выяснилось невероятное!

Варвара Петровна Пуколова-Крекшина действительно жила в Москве и прославилась как невероятная чудачка и богачка. Видно, в молодости была она действительно прелестна – и муж Крекшин (между прочим, обер-прокурор Синода), и любовник Аракчеев души в ней не чаяли. Она пережила их всех и умерла то ли на восемьдесят четвертом году жизни, то ли еще позже. Точной даты неизвестно – может, в 70-х, а может, и 80-х годах XIX века.

Еще молодой дамой посетила Варвара Париж. И там началась невероятная история.

«Однажды к знаменитой парижской гадалке мадемуазель Ленорман явилась богатая москвичка В.П. Пуколова-Крекшина, – прочла я. – Денег у москвички, прибывшей в Париж, как говаривали тогда, развеяться, было несчитано, и потому она скучала, не зная, чем заняться в жизни.

Ленорман взглянула на ладонь богачки и посоветовала «найти себе дело». Гадалка ведь была превосходным психологом. Но Крекшина только фыркнула: «Чем же прикажете мне заниматься? Я не для того воспитана и ничего не умею!» – «Но есть же у вас склонность к чему-то!» – проговорила Ленорман. «Только любопытство! – захихикала москвичка. – От любопытства и к вам пришла. Скажите же, какова будет моя жизнь и какой окажется смерть?»

Ленорман не любила пустых разговоров, ведь ее ждали люди с реальными несчастьями. Может, потому она ответила: «Вы умрете ночью в постели!» Был ли это формальный ответ, чтобы отвязаться, или Ленорман действительно предрекла судьбу? Но результат оказался таков: Крекшина вернулась в Москву и перестала спать ночами. Спала днем, а с наступлением темноты устраивала приемы в своих московских домах, играла в преферанс, который обожала чуть не с детства.

На удивление и осуждение окружающих Крекшина не обращала никакого внимания. Она вообще была нрава веселого, задорного и даже хулиганского».

В другой книге я прочла: «Варвара Петровна обожала гостей. Ее дом на Поварской, а позже и на Тверском бульваре был открытым. Но только по ночам. Всю ночь она играла в преферанс с друзьями и прихлебателями. Один из них – Бочечкаров – обязан был в зимнее время исполнять роль грелки для постели Крекшиной и спал на ней поверх одеяла, пока не наступало утро, и барыня не сгоняла его с постели, чтобы лечь спать».

Ничего себе барынька! Озорна, азартна, независима. На общественное мнение вообще привыкла плевать. Да еще и ночная жительница! Интересно, а тот тверской путешественник тоже разгуливал по своей Твери ночами? Ночь – проводник потаенного времени. Не видно, куда идешь. Не потому ли можно выйти совсем неожиданно в иное время?..

Обо всем этом я начала на другой день рассказывать подруге с курса. Мы возвращались из ГИТИСа опять в наступающей темноте, но на этот раз вдвоем. Впрочем, пойти по Тверскому бульвару я не отважилась. И мы шли по улице Неждановой. Отвлечшись от старухи Крекшиной, я рассказала подруге, что первый дом по нечетной стороне еще в самом начале XX века выстроил один из моих дальних предков – купец Михаил Иванович Коровин. У него было понастроено в Первопрестольной множество домов – одни он сдавал внаем, другие под

магазины, рестораны, учреждения. Он был другом Чехова, а художнику Константину Коровину приходился двоюродным братом. Впрочем, особо полагаться на покойного родственничка не следовало бы, ведь и на Тверском бульваре он имел пару домов. А там меня напугала старуха Крекшина!

От волнения размахивая руками, я рассказала подруге о вчерашних встречах с жителем Твери и старухой, потом о том, что прочла про Крекшину. Мы обе так увлеклись, что не заметили, как из темноты сзади появился какой-то человек, догнал нас и вдруг сказал, обращаясь ко мне:

– Вот этим вам и надо заниматься! Только этим!

– Чем? – ахнула я.

Ответить незнакомец не успел. Подруга, видно испугавшись, подхватила меня под руку и поволокла за собой. Бегом мы пролетели улочку. При свете огромных фонарей улицы Горького остановились тяжело дыша. Я подумала: «Если немного постоим, человек нас нагонит. Тогда я и услышу ответ: чем же мне надо заниматься!»

Но хоть мы и стояли довольно долго, никто к нам не вышел.

Уже потом, дома, отец рассказал мне, что улица Неждановой раньше называлась Брюсовым переулком (между прочим, сейчас его название вернулось). Еще с петровских времен там раскинулась большая усадьба во главе с огромным каменным домом семейства Брюсов. Построил его тот самый легендарный Яков Виллимович Брюс, колдун-алхимик, а на самом деле образованнейший ученый времен Петра I. Однако жить там не стал, поскольку обожал свой небольшой дом на Сухаревке с легендарной башней, в подвалах которой организовал лабораторию, а на крыше – обсерваторию. Ну а усадьбу Брюс передал своему племяннику, тот завещал потом ее своим детям. Словом, Брюсы владели ею почти сотню лет. Неудивительно, что за этим местом осталось название «Брюсово». В конце XVIII века усадьбу снесли, построили новые дома, но название «Брюсов переулок» осталось, пока в XX веке его не переименовали в честь Анастасии Неждановой. Эта великая русская певица жила в доме № 7, называемом «домом ГАБТа», ведь там жили артисты Большого театра. Рядом, в доме № 17, жили корифеи прославленного МХАТа, в том числе Москвин и Качалов. Представляете, сколько разных артистических тайн, сценических загадок и сплетен-скандалов осело в стенах этих артистических домов!

А в 12-м доме жил Всеволод Эмильевич Мейерхольд со своей женой, актрисой Зинаидой Райх. Теперь там их музей, хотя в трагической судьбе великого режиссера так и осталось множество белых пятен. Известно, что его объявили врагом народа и расстреляли 2 февраля 1940 года. Но где? Как? Даже могилы своей у него нет. Великий режиссер, создатель всемирно известной системы актерского искусства, похоронен в общей могиле на Донском кладбище.

И тут кругом тайны. Московское колдовство... Одно слово – Брюсов переулок. И никакое переименование не спасет – переулок тайн, трагедий и мистики.

И кто из мистических прохожих дал мне напутствие? Из всех я бы выбрала все-таки Якова Брюса. Пусть и колдун-алхимик, но все же не связанный с разгулом сталинского времени. А может, это мой дальний предок-купец шагал за нами и замолвил свое слово?

Правда, в чем суть того напутствия, я поняла много позже, когда вместо театра увлеклась загадочными историческими событиями, необъяснимыми явлениями и магией чисел – то есть мистическим отсветом, проходящим по всей цивилизации человечества. Странно, да? Я шла по театральной улице, а вышла на свет таинственных событий. Так началось мистическое путешествие в книгах и статьях – сквозь века и страны. А отсчет пошел от Москвы...

ПОЛУНОЧНЫЕ БЛУЖДЕНИЯ ПО УЛИЦАМ МОСКВЫ

Ну а теперь придется оправдываться. Не одна я такая идиотка, шастающая по ночам и встречающая бог весть кого. Между прочим, и до меня москвичи и гости столицы эдаким занимались и кое-кого встречали. Но знаете, что поразительно? Встречи эти с потусторонними жителями, а вернее, с москвичами, оставшимися в городе навсегда (ну, не хочется говорить с москвичами, ставшими призраками!), начавшись обычно с отрицательных эмоций (недоумение, страх, а то и внутренняя паника), оборачивались вполне положительной стороной. Творческие люди начинали творить с усиленной энергией, а обычные пересматривали свои жизненные взгляды в лучшую сторону. Вот уж точно, призраки-привидения – посланники мира тьмы, а зачастую приносят благо в мир света.

Ну а сколько великих произведений возникло от легенд и преданий нашей Москвы, от встречи с ее призрачными жителями, и сказать трудно. Но некоторые стоит вспомнить. Тем более что, вспоминая, мы можем и сами пройти небольшим, но весьма емким с эзотерической точки зрения маршрутом – от Красной площади через площадку перед Историческим музеем и станцией метро «Площадь Революции» к Театральной площади, а от нее по Кузнецкому Мосту к улице Мясницкой. Простой маршрут в центре, абсолютно знакомый. Но вот некоторые люди увидели его совершенно *особенным*.

Почитайте, а потом попробуйте, вдруг и вам удастся попасть в Москву мистическую?..

«Куда ни пойду, все к кремлевским стенам выйду» Красная площадь

*Мелькающих стрел звон
И вещей ворон крик...
Я вижу дурной сон,
За мигом летит миг.
Осип Мандельштам.*

Сборник «Камни»

«Начинается земля, как известно, от Кремля». Думаете, это советская выдумка или современный слоган? Ничуть не бывало. О древнейшей мистике Красной площади и Кремля разговор еще впереди. А вот о невероятной истории, что произошла с великим нашим живописцем Василием Ивановичем Суриковым, вспомнить стоит сейчас. Ему тоже в Москве много чего тайного увиделось...

Известно, что Суриков – сибиряк, потомок свободолюбивых казаков из города Красноярска. Интерес к истории у него с детства. Недаром потом он скажет: «Ничего нет интереснее истории. Только читая про время историческое, понимаешь настоящее». И еще: «В Сибири, скажу я вам, народ другой, чем в России: вольный, смелый. Про нас говорят: красноярцы – сердцем яры». Не это ли ярое сердце, то есть сердце бога Ярилы – солнечное и бесстрашное, – помогло художнику воспринимать чужую давнюю историческую боль как свою – сегодняшнюю?

Переезд в Москву в 1877 году сыграл в творчестве Сурикова решающую роль. Он и раньше бывал в Первопрестольной и, видя древние улочки, думал о том, что вполне сможет изобразить старинную жизнь как современно-живую, динамичную и даже трагическую. Вспоминались рассказы о том, что в числе его предков имелись и стрельцы петровской поры. «Вот стрелец с черной бородой, – вспомнит он, – Степан Федорович Торгошин, брат моей матери. А бабы – это, знаете ли, и у меня в родне такие старушки были, сарафанницы, хоть и казачки. А старик – это ссыльный один лет семидесяти...» Словом, Суриков уже с самого начала своей творческой деятельности грезил об образах старины. Только для него эта старина была живой.

И вот Академия художеств, находящаяся в Петербурге, направляет своего выпускника почему-то не в заграничное турне, как обычно, а посылает в Москву для росписи строящегося храма Христа Спасителя. Ну не рука ли это судьбы? Неизвестно, чем увлекся бы Суриков в Италии или Германии, но в Москве случилось иное – почти нереальное...

По вечерам, после работы в храме, художника так и тянуло на старинные улицы Первопрестольной, на Красную площадь – к кремлевским стенам. Вот как описал все это сам живописец:

«Началось здесь, в Москве, со мною что-то страшное твориться. Куда ни пойду, а все к кремлевским стенам выйду. Эти стены сделались любимым местом моих прогулок именно в сумерки. Темнота начинала скрадывать все очертания, все принимало какой-то незнакомый вид, и со мною стали твориться странные вещи. То вдруг покажется, что это не кусты растут у стены, а стоят какие-то люди в старинном русском одеянии, или почудится, что вот-вот из-за башни выйдут женщины в парчовых душегрейках и с киками на головах. Да так ясно все, что даже остановишься и ждешь: а вдруг и в самом деле выйдут?

И вот однажды иду я по Красной площади, кругом ни души. Остановился недалеко от Лобного места, засмотрелся на очертания Василия Блаженного, и вдруг в воображении вспыхнула сцена стрелецкой казни, да так ясно, что сердце забилося. Почувствовал, что если напишу то, что мне представилось, то выйдет потрясающая картина...»

Вот так Высшие силы показали художнику его будущую картину, названную потом «Утро стрелецкой казни». Видно, ее написание было предопределено судьбой. Но работа оказалась почти такой же жуткой, как и само событие. Суриков жаловался друзьям: «Как только начал писать стрельцов – ужаснейшие сны видел. Каждую ночь во сне казнь. Кругом – кровь и кровью пахнет. Боялся я ночей...»

Картина произвела на современников огромное впечатление. Художник Бенуа вспоминал, что к нему после просмотра трагического полотна стал являться ночами бесовский стрелец со свечой, отчего даже самым невероятным образом чуть не случился пожар в его реальной квартире. Виктор Васнецов жаловался, что слышит, как воют бабы в голос, прощаясь с отцами и мужьями, уходящими на Лобное место. Конечно, художники – народ, верящий в разную мистику, но есть свидетельство великого князя Сергея Александровича о том, как он, посетив Третьяковку, услышал то ли крики, то ли стоны, исходящие от суриковских картин.

Собиратель русской живописи Павел Михайлович Третьяков увидел огромный трагический холст еще в 1881 году в мастерской молодого Сурикова, красноярца или сибирского медведя, как его величали. Про этого невысокого, плотного, действительно похожего на неуклюжего молодого медведя художника, работавшего по двадцать часов в сутки, по Москве ходили легенды. Говорили, что он ничего не боится, потому что у себя в Красноярске водил дружбу с местным палачом. А ведь всем известно, что палачи – сильнейшие колдуны. На самом деле Суриков, конечно, не дружил, а просто видел однажды палача в детстве. Тот расхаживал по помосту в красной кумачовой рубахе, засучив рукава, и отпускал зловещие шутки толпе, окружавшей лобное место. Конечно, самой казни мальчишка Суриков не видел, родные увели его. Но ощущение ужасного человека, от которого дух захватывает, осталось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.